Свою первую пьесу Надежда Птушкина написала в восьмом классе. Принесла ее в Ленинградский ТЮЗ и попросилась в актрисы. Девочке посоветовали исправить букву "р" и уж тогда поступать на актерский факультет. В результате она закончила режиссерский в Школе-студии МХАТа у Олега Ефремова в 1977 году, но писать пьесы не бросила. Работала в "стол", иногда давая свои сочинения читать друзьям. Сменила множество профессий – из соображений сугубо практических: в семье росло трое детей, которых надо было кормить. Правда, как ни странно, это не мешало маме читать Эсхила и Шекспира, учить языки, устраивать домашние спектакли, работать директором коммерческой фирмы и писать – пьесы, сценарии, стихи. Некоторые из пьес (случайно!) попадали на периферийную сцену, по одному из сценариев пытались поставить фильм, но у создателей не хватило денег для его завершения. Однако Надежда переживать по этому поводу и не собиралась. Она просто работала, а на страдания и мечтания о славе не было времени. Может быть, поэтому из "широко известного в узких кругах" автора превратилась в профессионального драматурга. Сейчас ее пьесы идут в Москве и Санкт-Петербурге, одна из них, "Овечка", была опубликована в "Драматурге" (№ 6 за 1996 год), она пишет сценарий телевизионного многосерийного фильма, есть заказы от театров, известных актеров.

Надежда ПТУШКИНА:

"Да здравствует здравый смысл!"

– Скажите, как отразилось на вашем творчестве то, что вы стали известным драматургом?

– Честно говоря, я не чувствую успеха. Сижу дома, никакого повышенного интереса к себе не замечаю, новых знакомств не завела. Впрочем, на работе это действительно отражается: ее стало больше. Появилось много заказов. Даже иногда возникают нелепые ситуации. Как-то позвонила одна актриса, попросила написать для нее, я ей честно предложила встретиться через полгода по этому поводу, а она обиделась, посчитав меня автором с манией величия. Поскольку мне совершенно не хотелось оставлять о себе такое впечатление, нашла ее телефон, извинилась и объяснила, что свободным временем буду располагать только через полгода. Сейчас предложили для телевидения написать двенадцать серий, пишу две пьесы и цикл романсов. Конечно, не будь успеха, никто бы не звонил и ничего не предлагал.

– Раньше предлагали вы? Каким образом?

– По-разному. В принципе, сама я официальным лицам ничего не показывала. Это происходило случайно. Как-то у нас дома переночевал мой старый приятель по Ленинграду Гвоздков Слава. Он ехал в Ташкент, где работал главным режиссером в ТЮЗе. Искал детскую сказку для постановки. Я ему дала свою, и ее поставили в Ташкентском ТЮЗе. Причем, что удивительно, не обошлось без конфликта с тамошней партийной верхушкой. В сказке был описан обряд венчания на царство, чего партийцы перенести не могли. Выручила постановщиков Медведева из Министерства культуры СССР Она позвонила им и грозно сказала: "Время сейчас какое? Что за безобразие?" (а шел 82-й год). Еще одна история. Попросила у меня подруга, работавшая на Душанбинской студии, почитать пьесу. Увезла ее с собой, показала директору, и меня пригласили на киностудию для работы над сценарием. Процесс тянулся года два из-за нехватки денег, к тому же я "неправильно отражала русско-таджикскую дружбу". В результате, деньги мне выплатили полностью, а фильм так и не вышел.

Однажды прочла объявление об Одесской юморине, написала рассказ и отправила туда. Пришла пригласительная телеграмма, поехала и с удовольствием читала собственный рассказ с эстрады. Потом был конкурс радио-пьес, послала пьесу и получила второе место и премию. Радовалась, правда, недолго. Позвонила суровая дама-редактор и весьма удивила меня тем, что нашла в моем сочинении намек на сожительство человека с собакой. Я очень удивилась и загорячилась, на этом радио-карьера и кончилась.

– И вы решили писать только для театра?

– Я не ставила перед собой такой цели, хотя часто слышала от театральных людей, что мои пьесы сценичны. Видимо, помогает режиссерское образование: я немного работала по специальности после института, поставила три спектакля в Новомосковском драматическом театре (Тульская область). Режиссерской карьере помешали семейные обстоятельства: тяжело заболели родители, и у меня на руках, кроме собственных троих детей, оказался двенадцатилетний брат. Была возможность стать главным режиссером в каком-то городке в Казахстане, мы с мужем собирались ехать (муж – актер), но там начались интриги на местном партийном уровне, и нас друзья отговорили от этой поездки.

– Больше вы режиссером не работали?

– Я много кем работала: и в детском саду, и на заводе, и секретаршей, и уборщицей, и режиссером. Однажды предложили руководить ансамблем народных инструментов. Дело было так... Некоего Краснянского Леонида Наумовича, начальника Донецких шахт, перевели в Москву начальником Главного управления капитального строительства Моссовета. Он решил создать самодеятельность. Ему рекомендовали меня, почему-то уверенную, что мне предлагается должность режиссера народного театра. На собеседовании, обговорив условия работы и зарплату, совершенно растерялась, услышав вопрос: "А вы на каких инструментах играете?". Думаю, Краснянский не обрадовался, узнав о моем желании создать театральный коллектив, но согласился, правда, поставив жесткие условия: сделать восемь полуторачасовых концертов в год, да так, чтобы они нравились начальству и давали фирме новых заказчиков.

Зато можно было привлекать к делу талантливых ребят. Работалось нам замечательно, да недолго: погорели по моему политическому идиотизму. На третий год моей работы, в праздник Советской Армии, решила устроить, видимо, с устатку, капустник по брежневским речам. Брежнев был жив. Написала пародии на его выступления, совсем не оскорбительные, ибо, в силу своей политической близорукости, считала его милым и забавным человеком. Партийная дама, утверждавшая мои сценарии, бегло его просмотрела, спросив только: "Не скучновато будет?", и разрешила. Собрались в зале зрители, на первых рядах – люди с орденами, разумеется, политически грамотные, на задних – младшие инженеры. Начали представление. Смотрю: Краснянский в лице меняется, а почему – непонятно. Так весело... Тут с первых рядов стали зрители уходить, только галерка хлопает и радуется, то есть разгорается, как раньше было принято выражаться, "нездоровое ве-

---

В маленькой однокомнатной квартире, старомодно и уютно обставленной, поэтично и печально старятся две женщины. Читают по вечерам вслух Диккенса, ведут долгие беседы. Софья, мать Татьяны, сокрушается, что дочь так и не нашла семейного счастья. И тут вдруг в квартире появляется некто Игорь, перепутавший адрес своей юной подруги, тоже Татьяны. Софья, увидев в его руках цветы и шампанское, принимает его за давнего ухажера дочери. Игорь, судя по всему, удачливый бизнесмен, ерничает и невольно поддерживает версию Софьи. Та в восторге, что возлюбленный дочери вновь появился в ее жизни. Для полного счастья не хватает внука или внучки. И чудесным образом во второй картине внучка возникает – в лице знакомой Татьяны, продавщицы из продовольственного магазина.

Надежда ПТУШКИНА

Пока она

Часть вторая.

Та же квартира. Только комната освещена теперь не свечами, а торшером. Посреди стола розы. Мизансцена та же, что и в первой части.

ТАНЯ (читает). Затем здесь была мисс Никльби, такая величественная и самодовольная. Мадэлайн и Кэт, такие разрумянившиеся и прелестные. Николас и Фрэнк, такие преданные и гордые, и все четверо были так трепетно счастливы. Здесь был Ньюмен, такой притихший и в то же время не помнивший себя от радости. И здесь были братья-близнецы, пришедшие в такое восхищение и обменивавшиеся такими взглядами, что старый слуга замер за стулом своего хозяина, и, обводя взором стол, чувствовал, как слезы затуманивают ему глаза.

Софья протяжно вздыхает.

ТАНЯ. Что, мама? Ты сегодня не в настроении слушать Диккенса?

СОФЬЯ. И правда, брось, Таня. Мысли мои далеко. Какие чудные розы! Подвинь ко мне поближе.

ТАНЯ. Страница сто шестьдесят вторая. (*Закрывает книгу, ставит на полку, подвигает розы.*)

СОФЬЯ. Будем ужинать?

ТАНЯ. Ты уже хочешь есть?

СОФЬЯ. Что, мы ждем кого-то?

ТАНЯ. Кто может к нам прийти?

СОФЬЯ. Нынче приятно смотреть на тебя. Приколола розовый бант. Этому прабабушкиному банту не один век. Он к лицу тебе, Таня, и освежает, и молодит. Сегодня словно бы вообще какой-то особый день.

ТАНЯ. Особый? Почему? Неужели из-за банта? *(Немного нервно смеется.)*

СОФЬЯ. И из-за банта тоже. Что-то такое загадочное витает в атмосфере нашего дома. Ты вдруг увлеклась кулинарией. Готовила целый день. И что ждет нас на ужин?

ТАНЯ. Возни много, а ничего особенного не состоялось. Пельмени, винегрет, торт.

СОФЬЯ. Игорь уехал?

ТАНЯ. Думаю, сейчас в пути.

Звонок в дверь.

СОФЬЯ. Ты все-таки кого-то пригласила?

ТАНЯ. Сюрприз! (*Идет открывать.*)

За дверью Игорь с букетом роз.

ИГОРЬ. Приветствую.(*Протягивает розы.*) Вам!

ТАНЯ (*розы не принимает*). Вы забыли, что уже отбыли в командировку?

ИГОРЬ. Разве вы не слышите? Собачья упряжка гавкает у подъезда! Через четверть часа кинусь плашмя на нарты и умчусь в тундру. Взобрался сюда проститься.

ТАНЯ. Счастливого пути. Удачного спуска.

ИГОРЬ. Постою, наберусь сил перед спуском. Знаете, годы все же. Как самочувствие вашей матушки? Кстати, розы передайте ей. (*Протягивает Тане розы.*)

ТАНЯ (*не принимает*). Спасибо. У нее еще вчерашние не кончились.

ИГОРЬ. Пусть будет больше. (*Упорно пытается всучить розы.*)

ТАНЯ (*не берет*). Лучше побалуйте зайчика.

СОФЬЯ (*громко*). Таня! Кто там?

ТАНЯ. Никого, мама, никого.

ИГОРЬ (*очень громко*). Всего-навсего я, Софья Ивановна!

СОФЬЯ. Так что же? Где вы там? Сюда!

ИГОРЬ. Иду-иду.

ТАНЯ (*отступает от двери*). Ненадолго, пожалуйста.

Игорь прямо в пальто проходит к Софье и целует ей руку.

ИГОРЬ. Это вам. (*Подает ей розы.*)

СОФЬЯ. Какая радость, что вы пришли. Таня скрыла от меня. Но я догадывалась. Таня очень, очень вас ждала. Столько всего накупила. Целый день готовила, прибиралась. И тянула время. Не хотела начинать ужинать без вас.

ИГОРЬ (*целует руку Тане*). Приятно слышать, что вы меня так ждали, Танечка.

ТАНЯ. Я ждала не вас.

СОФЬЯ. Не Игоря? Тогда кого же, Танечка?

ТАНЯ (*Игорю*). Я считала, что вы уехали. Я удивлена.

ИГОРЬ. Приятно удивлены?

ТАНЯ. Просто удивлена.

СОФЬЯ. Снимайте, Игорь, свое малиновое пальто. Чувствуйте себя, как дома. Таня, поставь розы в вазу.

ТАНЯ. У нас в доме одна ваза.

ИГОРЬ. Понял. Завтра же привезу вторую.

ТАНЯ. А что делать с вашими розами сегодня?

ИГОРЬ. Выбросьте!

СОФЬЯ. Влюбленные, не ссорьтесь. Танечка, займись розами.

Таня берет у нее розы и выходит.

СОФЬЯ. Командировка отложилась?

ИГОРЬ. Отменилась.

СОФЬЯ. Сон в руку. Приснилась дорога, а на ней такая большая куча... (*осеклась.*) Извините. Это к радости.

ИГОРЬ. А теперь представьте себе – мне приснилась точно такая же дорога, а на ней точно такая же куча...

СОФЬЯ (*оживилась*). Представляю.

Таня вносит розы, поставленные в бутылку из-под шампанского.

СОФЬЯ. Мне и Игорю приснился один и тот же сон. Представляешь, Танечка?

ТАНЯ. Пока нет. И какой же сон?

СОФЬЯ. Нам приснилось... Забыла! А как Игоря увидела, сразу вспомнила.

ТАНЯ. Так что же вам приснилось столь синхронно?

ИГОРЬ. Наш маленький общий секрет с Софьей Ивановной. Как вы себя чувствуете сегодня, Софья Ивановна?

СОФЬЯ. Превосходно. И сон хороший приснился, и вы пришли. Пора ужинать, Танечка. Все в сборе!

ТАНЯ. Игорь, к сожалению, торопится на поезд.

СОФЬЯ. Откройтесь ей, Игорь. Она еще не знает, какая радость ее ждет.

ИГОРЬ. Командировку отменили вообще.

СОФЬЯ. Новый год будем встречать все вместе!

ИГОРЬ. Танечка меня пока не пригласила.

ТАНЯ. До Нового года далеко.

СОФЬЯ. Неделя всего! Скорее пригласи Игоря. Хотя, зачем его приглашать?

ТАНЯ. И действительно, зачем?

СОФЬЯ. Конечно. Игорь у нас свой.

ТАНЯ. К сожалению, мамочка, Новый год встречать с нами Игорь не сможет.

СОФЬЯ. Почему?

ТАНЯ. Игорь встречает Новый год в своем коллективе. С коллегами. Традиция. Игорь позвонит нам по телефону и сердечно поздравит.

СОФЬЯ. И ты не находишь это ненормальным?

ТАНЯ. Мир изменился, мама. Дачные участки теперь выделяют в Испании, а Новый год встречают с коллективом. Всяких приглашают ежиков, зайчиков. Это нормально, мама.

СОФЬЯ (*Игорю*). Вы работаете в зверинце?

ИГОРЬ. Сегодня уволился.

СОФЬЯ. А как же балансовый отчет?

ИГОРЬ. В зверинце была временная работа. Без отрыва, так сказать, от основной.

СОФЬЯ. Чувствую, Игорь, у вас какая-то очень непростая жизнь. Вам надо жениться как можно скорее.

ТАНЯ. Напоминаю, Игорь – вам пора!

СОФЬЯ. Но командировку же отменили, Танечка.

ТАНЯ. Но балансовый отчет остался. Ступайте, Игорь, и без отчета не являйтесь.

Игорь ойкает и хватается за живот.

СОФЬЯ. Игорек, что с вами?

ИГОРЬ (*страдальчески*). Таня знает.

ТАНЯ. Гастрит?

ИГОРЬ. Дайте хоть корочку хлеба. Надо срочно съесть хоть что-то. Нестерпимая боль.

СОФЬЯ. Что же ты стоишь, Танечка? Скорее накрывай на стол.

Таня уходит в кухню.

СОФЬЯ. А вы, Игорь, присядьте.

Игорь садится за стол.

СОФЬЯ. Как вы?

ИГОРЬ. Главное для меня сейчас – не двигаться. Вообще! Сесть и сидеть. Часов пять, не меньше.

СОФЬЯ. И сидите. Мы рады. Не понимаю, что сегодня с нашей Танечкой.

ИГОРЬ. А что такое? Ничего не заметил.

СОФЬЯ. Она ждала, ждала вас... А когда вы наконец пришли, то словно бы расстроилась. Что она там копается? Игорь, может, вы сами попытаетесь дойти до кухни?

ИГОРЬ. Я попытаюсь. (*Идет в кухню.*)

ТАНЯ (*что-то разогревает, что-то перекладывает*). Хорошо, что сюда пришли. Присядьте. Здесь я и накормлю вас, быстро-быстро.

ИГОРЬ. Не беспокойтесь. Я не спешу. Вам к лицу бант. Не могу не отметить ваш вкус.

ТАНЯ (*ставит перед ним тарелку*). Не отвлекайтесь! Приятного аппетита! Винегрет, пельмени. Вот вам еще кусок торта сюда же! И хлеб, и масло, и сыр.

ИГОРЬ. Зачем же все на одну тарелку?

ТАНЯ. Тарелка большая. Все помещается прекрасно.

ИГОРЬ. Почему вы кормите меня на кухне?

Экран и сцена –

АВТОРА!

селье". Кончилось тем, что вызвали парней из КГБ, так даже им, бедным, неудобно было. Дурацкая ситуация. Краснянский не растерялся, говорит: "И зачем я разрешил эти кассеты Жванецкого использовать!". Свалили все на кассеты, по которым якобы ставилось действие, и меня "просто" уволили.

– Могло быть хуже?

– Мне вариантов не предлагали, но большевики, ждавшие развязки, кричали про какой-то сотый километр. Приятного мало, хотя могу честно сказать, что от этой работы осталось больше хороших воспоминаний. Она меня многому научила. Я вообще очень хваткая и памятливая, видимо, от недостатка времени, все приходится усваивать сразу. Инстинкт самосохранения, наверное. Кстати, может быть, поэтому в моих пьесах театры не делают правок.

– А вы согласились бы переделывать пьесу в интересах постановщиков?

– Нет. Я уверена, что доработки, переработки и прочее коллективное творчество недопустимо. Пьесу надо отдавать в театр в готовом виде, если же требуется переделка, здесь моя вина. Значит, плохо написала. Это мое первое железное правило. Второе: либо надо изо всех сил добиваться постановки, либо писать только для себя.

– А имеет значение, государственный ли театр ставит спектакль по вашей пьесе или проект постановки – коммерческий?

– Мне все равно. Я работала в коммерции и ее не боюсь. Лишь бы получился хороший спектакль. Правда, провала я тоже не боюсь. Будет и провал, будет и успех, иначе в жизни не бывает, верно? Неприятно, когда тебя клеймят из идеологических соображений, или на сцене происходит нечто совсем невразумительное. Думаю, избежать этого теоретически невозможно.

– А как вы относитесь к критике? Когда пьесу разбирают профессионалы, а не спецы по идеологии?

– К критике отношусь замечательно. Могу рассказать по этому поводу смешной случай. Есть у меня знакомый питерский драматург, Александр Образцов, мы обмениваемся пьесами. Он меня познакомил с главным режиссером петербургского театра "Эксперимент" (кстати, государственного) Харитоновым, а тот пригласил в свой театр на читку любой моей пьесы. В это время дела фирмы, а была я ее директором, как раз требовали командировки в Ленинград. Взяла дочку (всюду детей с собой таскаю) и поехала. На читке было человек двадцать драматургов, двое актеров, режиссер и люди, как мне показалось, работавшие билетерами, уборщицами, рабочими сцены. Я им очень обрадовалась, прочла "Монумент жертвам", а потом драматурги меня страшно ругали. Пьесу разнесли. Ксюша, дочка, вспыхивала, возмущалась, все чего-то хотела сказать, а я сидела в состоянии полной эйфории: разбирают как настоящего драматурга. Мне и в голову не приходило, что можно вот так прийти с улицы, и у тебя возьмут пьесу для постановки. Харитонов же взял, и ровно через год меня пригласили на премьеру. Шел тогда 94-й год, у нас был заворот дел на фирме, театр же воспринимался как развлечение.

– Когда же вы решили все бросить и заниматься только пьесами?

– После того, как написала "Овечку". Муж тогда ставил в Еврейском театре, а мне там предложили написать пьесу на еврейскую тему. У меня как раз был отпуск, я и принялась за работу. История Лии, Рахили и Иакова волновала с детства.

– С детства?

– Ой, я столько читала. Особенно, когда дети появились. Гуляешь с коляской, читаешь, а у меня три коляски было, ибо трое детей-погодков. Читаю быстро – времени не хватает. Кстати, детям очень понравилась "Овечка", а я им и брату всегда верю, они никогда еще не ошибались.

– У вас с детьми такие близкие отношения?

– Да, это просто счастье, что так получилось. Я им с раннего детства говорила: если ты не научился себя любить, чего от тебя ждать другим людям? Что ты им сможешь дать? Людей надо любить. Это облагораживает натуру, делает тебя человеком. Никто из детей не может мне сказать: это твои проблемы, но никто из них не станет лезть насильно в чужие. Они даже читают все книжки следом за мной. Как-то мне для работы нужны были пьесы Аристофана, так сын меня просто потряс: он свалился с кровати от смеха над аристофановскими "Лягушками". Ребенок воспринимал все конкретно, он читал и видел. Если детям скучно, значит, написано плохо. По-моему, скучно не должно быть ни на минуту. Может, это я с перепугу решила, – не знаю. Иногда читаешь какого-нибудь современного автора и думаешь: как будет тоскливо зрителям, когда читать уже через две страницы надоедает. Правда, и на подобных пьесах можно многому научиться.

– Каким образом?

– А я сидела дома и методично разбирала каждую пьесу, от античных авторов до современных. Занудно, с карандашом в руках: как она построена, какой в ней ритм, есть ли музыкальность. На себе проверила правильность поговорки: тяжело в ученье – легко в бою. Теперь могу за неделю написать пьесу. Как-то очень расстроилась – дочка принесла книгу "Как писать сценарии", прочла и поняла, что до всего дошла сама, с адским трудом и за годы. Ох, как жалко себя было! Кстати, очень полезно пишущему человеку уметь просто внимательно слушать людей, не считая, что они глупей тебя.

– А по какому принципу вы выбирали для разбора пьесы? Или читали все подряд?

– Меня интересовали два момента. Первый: имеет ли автор успех у публики? Если – да, то он для меня уже мастер. Второй: существует такое понятие, как цеховая репутация. Я бы этим очень дорожила.

– Разбирая чье-то произведение, вы пытались понять, как автор его создавал. А как рождаются ваши пьесы?

– Я их пишу, как музыку. Не думаю о характерах героев, о ситуациях, в которые они попадают. Если появляется лишний персонаж и начинает мешать действию, убираю его. Конечно, пытаюсь учесть стоимость будущего спектакля, оставить место для фантазии художника по свету, костюмам. Пишу каждый день, иначе не вижу смысла в работе. Грубо говоря, если рабочий ежедневно на завод ходит, то почему драматург может жить иначе? Существует же и редакторская работа. Откладываю написанное недели на две, в это время занимаюсь другими делами. Потом сажусь с хронометром и выверяю ее заново. Совершенно не принимаю речей о "творческих мучениях". Помоему, за такими словами обычно прячется непрофессионал. Если говорю, что принесу пьесу в понедельник, то так и делаю, без капризов и "творческих кризисов".

– Скажите, пожалуйста, а существует ли некая тема, проходящая сквозь все ваше творчество?

– Конечно. Да здравствует здравый смысл!

Беседовала Юлия СЕДОВА.

умирала

Рождественская сказка в 3-х частях

Это унижает мое человеческое достоинство.

ТАНЯ. Жуйте быстрее!

ИГОРЬ. Почему вы меня все время торопите? Я из-за этого нервничаю.

ТАНЯ. Я неотступно волнуюсь о вашем гастрите.

ИГОРЬ. Моя личность гастритом не исчерпывается. Кстати, все вкусно. Давно не ел так вкусно.

ТАНЯ. Подкинуть еще?

ИГОРЬ. Нет, спасибо. А то наемся здесь, а там, в комнате, буду сидеть дурак дураком и смотреть, как вы едите.

ТАНЯ. Что вам от меня нужно?

ИГОРЬ. Честно?

ТАНЯ. Абсолютно.

ИГОРЬ. Если абсолютно честно, то не знаю сам.

Телефонный звонок.

ИГОРЬ. Меня нет.

ТАНЯ. А что, вам, уже сюда звонят?

ИГОРЬ. Ну что вы? Я так просто – на всякий случай.

ТАНЯ (*в трубку*). Слушаю. Узнала вас по чириканью. Игорь? Конечно, здесь. А где еще он может быть? (*Игорю.*) Ваша Киска!

ИГОРЬ. У вас отвратительный характер.

ТАНЯ. Как и положено старой деве.

ИГОРЬ (*в трубку*) Да-да? Ку-ку, ку-ку!

ТАНЯ. Киска кукует. Совсем экологию испортили.

ИГОРЬ. Трудно сказать... Сегодня? Возможно... Постараюсь, но.. Нет, нет, не отменяй ничего из-за меня. Занята так занята. А я звякну как-нибудь. Пока. Чмокаю моего ёжика!

ТАНЯ. Напоминаю, что здесь не переговорный пункт. Мне должны звонить.

ИГОРЬ. Пока, Зайчик! Не знаю, смогу ли сегодня позвонить. Зайчик, понимаешь, я из автомата звоню, тут очередь.

ТАНЯ (*подает ему пальто*). Ваша Мышка заждалась вас. А мне должны звонить. Ко мне должны приехать.

ИГОРЬ. Я сам перезвоню, Киска! Пока. (*Вешает трубку.*) Кто это к вам придет? Новый кандидат в мужья? Но ваша мама уже успела привязаться ко мне! Нельзя ее травмировать. И хотелось бы знать, вам-то чем я не подошел? Ваша мама со своей стороны ко мне претензий не имеет. А это ведь самое главное.

ТАНЯ. Что вам от меня надо? Сейчас ко мне придут. Вы лишний. Что вам надо?

ИГОРЬ. Ничего особенного. Просто мне нравится, когда светится абажур и накрыт стол. Надоело, знаете ли, по ресторанам. Мне давно уже никто не радовался так, как ваша мама. Вы представляете, я никогда в жизни не был зятем.

ТАНЯ. Ну и женитесь на своем Ежике.

ИГОРЬ. Для нее я слишком молод.

ТАНЯ. Молоды? Вы? Для нее?

ИГОРЬ. Конечно. Я же еще лет двадцать протяну. Она мечтает не замуж выйти, а овдоветь.

ТАНЯ. Зачем она вам нужна, если вы понимаете про нее такое?

ИГОРЬ. Как зачем? Все-таки я мужчина.

ТАНЯ. Ясно.

ИГОРЬ. Вы меня поняли сейчас неправильно. Представьте: сидим на работе. Один говорит: "Я в своем джипе вчера одной телке такое интервью дал..." Другой говорит: "Я вчера подцепил одну, и мы с ней..."

ТАНЯ. Достаточно. Я уже уловила суть.

ИГОРЬ. Извините. Ну и вот, а мне что же – сидеть и молчать?

ТАНЯ. А вам-то кто мешает говорить? Да говорите себе все, что взбредет в голову.

ИГОРЬ. Да? А это выход.

ТАНЯ. Если ваши коллеги рассуждают о войне, еще не значит, что они участвовали в боевых действиях лично. А теперь идите.

ИГОРЬ. В таком случае, зачем мне куда-то идти? Я лучше здесь посижу.

ТАНЯ. Думаете, личная жизнь есть только у вас одного?

ИГОРЬ. У меня-то как раз ее и нет.

ТАНЯ. А у меня есть.

ИГОРЬ. Говорите, говорите, все, что вам угодно.

СОФЬЯ. Танечка! Ужинать будем?

ТАНЯ. Сейчас, сейчас, мама.

ИГОРЬ. Уже все несем, Софья Ивановна. (*Тане.*) Понесли? (*Берет салатницу.*)

Звонок в дверь.

ТАНЯ. Уходите сейчас же.

ИГОРЬ. Прямо с салатом? Я порядочный человек.

ТАНЯ. Салат в комнату! И сами из комнаты не показывайтесь!

ИГОРЬ. Слушаюсь.

ТАНЯ. Так чего вы стоите?

ИГОРЬ. Просто любопытно, кто к вам пришел.

Звонок в дверь.

ИГОРЬ. Чего же вы не открываете? Стыдно показать мне его? Кстати, как я должен ему представиться? Вашим женихом? Бывшим женихом? Давайте согласуем.

Звонок в дверь.

ИГОРЬ. Настойчивый. Твердо решил на вас жениться.

ТАНЯ. Это ко мне по делам. Из Собеса.

ИГОРЬ. Может, перейти на работу в Собес? К их визиту, смотрю, так готовятся.

Таня открывает. Словно с цепи сорвалась, в квартиру влетает Дина, *бросается Тане на шею и вопит истошным голосом: "Мамочка, родная, это я, Дина, твоя дочь родная! Как я по тебе соскучилась".*

ИГОРЬ. Покойная мама мне говорила: "Много перебираешь, Гарик! Кончится тем, что тебе достанется какая-нибудь с ребенком!"

СОФЬЯ. Таня! Что случилось? Что за крики?

Дина чуть не сбив Игоря с ног, устремляется в комнату и бросается Софье на шею.

ДИНА. Бабушка! Родная! Наконец-то свиделись!

СОФЬЯ. Таня! На помощь.

ТАНЯ (*оттаскивает Дину*). Не так сразу. Постепенно.

СОФЬЯ. Кто это? Ты ее знаешь, Таня?

ДИНА (*вырывается и снова кидается на шею Софье*). Бабушка! Ты не чуешь свою кровиночку?"

ИГОРЬ (*Тане, про Дину*). Выкинуть ее отсюда?

ТАНЯ (*снова оттаскивает Дину*). Это моя дочь. Твоя внучка, мама.

ДИНА (*бросается на шею Тане*). Мамочка! Родная! (*Бросается Софье на шею.*) Бабушка! Любимая!

ТАНЯ (*орет*). Прекратить вопли. Не вешаться ни на кого.

СОФЬЯ (*орет*). Не кричать на ребенка. Кто она? Я не понимаю. Боже, как бьется сердце. Таня, не мучай меня. Кто она?

ТАНЯ. Твоя родная внучка, мама. Прости, что я скрывала.

ДИНА. Сорок лет скрывала. Тебя боялась, бабушка. Боялась, что ты расстроишься.

СОФЬЯ. Где же ты ее скрывала, Таня?

ДИНА. Да она от меня в роддоме отказалась. Меня чужие люди усыновили. А у них своих-то было семеро. И сами пили. Вот такая у меня сложилась жизнь. Сиротская. При живых-то матери и бабушки. (*Плачет.*)

Пауза.

СОФЬЯ. Ты смогла отказаться от своего ребенка, Таня?

ДИНА. Лично я свою маму осуждать не позволю.

СОФЬЯ. Таня, неужели это все правда?

ДИНА. Чистая правда. (*Обнимает порывисто Софью.*) Бабушка! Не могу на тебя наглядеться. Песня ты моя, неспетая. Родная моя!

СОФЬЯ. Я виновата. Прости меня, Таня. (*Дине.*) И ты прости меня.

ДИНА. Да ладно, бабулька. Наплевать на все и забыть.

СОФЬЯ. Бедные девочки. Таня, ты так меня боялась? Неужели я была таким чудовищем? Простите меня, мои девочки.

ТАНЯ. Мама, успокойся, все не так. Сейчас я расскажу тебе правду.

ДИНА. Да выросла я уже. Что теперь выяснять, кто виноват, да что делать? Сто лет выясняем, а все на том же месте.

СОФЬЯ (*Дине*). Дай я посмотрю на тебя. Как тебя зовут?

ДИНА. Дина.

СОФЬЯ. Глаза Танины. А подбородок мой. Верно, Таня? Мой подбородок! А брови моего супруга покойного. Его брови. Не дожил, бедный. Подбородок мой, а брови его. Или мои? Нет, брови, пускай, его.

ДИНА. А чьи же еще? Внешность вообще передается через поколение.

СОФЬЯ. Глаза Танины. И лоб Танин. Выражение лба. Игорь, взгляните на лоб!

ИГОРЬ. От лба я в восторге.

СОФЬЯ. А чей же нос?

ИГОРЬ (*Тане*). Хоть намекните насчет носа. Чей же все-таки?

ДИНА (*Тане про Игоря*). А это кто? Почему не предупредили?

ИГОРЬ. А зачем? На данном празднике жизни я случайный и лишний.

СОФЬЯ. Игорь, неужели вы упрекнете Таню за внебрачного ребенка? При таком сроке давности?

ИГОРЬ. А кто я такой, чтобы упрекать Татьяну вообще в чем-либо?

СОФЬЯ. Как кто такой? Вы почти женаты.

ИГОРЬ. Да, я почти уже готов был жениться на женщине, которая уверяла меня, что она старая дева. Это так трогательно и романтично, так строго и беззащитно. И вдруг выясняется, что она сорок лет ведет двойную жизнь. Лучше зайчики и ежики! С ними хоть все понятно.

ДИНА. Так кто это?

ТАНЯ. Это... Это... Да так...

ИГОРЬ. А я все-таки отправляюсь в командировку. (*Тане.*) Позвоню из тундры. Прямо из сугроба.

ДИНА. Кто это?

ТАНЯ. Твой отец.

ДИНА (*немедленно кидается на шею Игорю*). Папочка! (*Охотно его зацеловывает.*) Папочка! Родной! Вот мы и нашли с тобой друг друга! Я так рада. Ты мне так нужен.

ИГОРЬ. Нет, нет, со мной это все не пройдет. Я вас удочерить не согласен.

(Окончание на 10 стр.)

Надежда ПТУШКИНА

Пока она умирала

(Окончание. Начало на 8 стр.)

СОФЬЯ. Вы отказываетесь от родной дочери! Я в вас разочаровываюсь, Игорь.

ИГОРЬ. У меня нет детей! И никогда не было. Ни дочек, ни сыночков.

СОФЬЯ. Моя Таня не умеет врать. Уж вам-то это должно быть известно.

ИГОРЬ. Да, я это заметил! (*Дине.*) Сколько вам лет?

ДИНА (*всхлипывает*). Зачем ты так, папа?

ИГОРЬ (*орет*). Сколько лет?

СОФЬЯ. Не кричите на ребенка! Сколько тебе лет, деточка? Ответь папе. Не бойся ничего.

ДИНА. Сорок. Ну и что?

ИГОРЬ. Сорок? Тогда я тут ни при чем. Сорок лет назад я служил в армии. Под Воркутой. Это очень далеко отсюда.

СОФЬЯ. А ты, Танечка, сорок лет назад...

ТАНЯ. Работала в Ельце по распределению после библиотечного института.

СОФЬЯ (*Игорю.*) В Ельце были?

ИГОРЬ. Никогда.

ТАНЯ. Я ездила из Ельца в Воркуту.

СОФЬЯ. Ты? Из Ельца в Воркуту? Зачем?

ТАНЯ. Просто на экскурсию.

Пауза.

СОФЬЯ. Нос определенно ваш, Игорь. Присмотритесь же.

ИГОРЬ (*Тане*). И вы всерьез настаиваете, что она моя дочь?

ДИНА (*Игорю*). Да чего вы переживаете? Чего? Вам-то какой ущерб? Алименты платить поздно. Жилье у меня есть. Вам одна выгода. Старость не за горами. А тут при вас объявилась дочь родная. Стакан воды есть кому подать.

СОФЬЯ. Совсем ребенка затуркали. Сядь подле меня, Диночка. Расскажи бабушке о себе. Как ты жила без нас?

ДИНА. Разве это была жизнь? Отца и мать лишили родительских прав из-за их беспробудного пьянства.

СОФЬЯ. Каких отца и мать?

ДИНА. Да тех, к которым я попала. Я вообще их родителями не считаю.

ТАНЯ. Зачем же так? Растили тебя все-таки.

ДИНА. Кто растил? В детдоме проболталась, да по интернатам. Потом в общаге обиталась.

ИГОРЬ. Я не верю ничему.

СОФЬЯ. Таня, ты знала, что Дина так страдает, и молчала?

ДИНА. Откуда мама могла знать? Сразу после роддома мы потерялись.

ИГОРЬ. И как же нашлись?

СОФЬЯ. Боже мой! Действительно, как вы нашлись?

ДИНА. Буквально случайно. Буквально вчера.

ИГОРЬ. Потрясающе. И как вы узнали друг друга? Голос крови?

ДИНА (*вытаскивает из своей сумки распашонки и ползунки*). Вот!

ИГОРЬ. Что это за барахло?

ДИНА. Мое приданое. Мои распашонки. Мои ползуночки. То, что оставила мне мама.

ИГОРЬ. Не верю я в это мексиканское кино. Не верю.

ДИНА. Пожалуйста, специально для вас. Вот по уголкам мамины метки. Нельзя не поверить. Было бы странно.

СОФЬЯ. Покажи мне! (*Рассматривает.*) Танин почерк. Вышито неразборчиво, но почерк, несомненно, Танин.

ИГОРЬ (*Тане*). Вы, бросая ребенка, поставили метки на его пеленках?

ТАНЯ. Естественно!

ИГОРЬ. Да вы просто кукушка какая-то. Впрочем, ничему не верю.

ДИНА. Ну я не знаю. Как можно не верить! И не смей так разговаривать с мамой. Да! Голос крови. Я заприметила маму давно. Такая интеллигентная, а лицо печальное. Ходила к нам в овощной. Однажды у меня стряслась недостача. Я в подсобке рыдала, а дверь в отдел была открыта. Мне срочно нужны были деньги, а у наших ни у кого не было. Мама стояла у прилавка и ждала. Я вышла зареванная и стала все швырять на весы. А она мне тихонько говорит: "Не плачьте. Сколько вам нужно?" И дала деньги, и даже паспорт посмотреть отказалась.

ИГОРЬ. Ничему не верю.

СОФЬЯ. Бедная девочка. Страдалица. Жила совсем одна.

ДИНА. Совсем одна! Пока не нашла маму и тебя, бабушка.

СОФЬЯ. Красивая. Искренняя. Почему ты не вышла замуж?

ДИНА. Да выходила я. Пять раз только официально.

СОФЬЯ. И дети есть?

ДИНА. Вот чего нет, того нет.

СОФЬЯ. Нам надо съехаться. Мы должны быть вместе. Сколько времени потеряно!

ДИНА. Нечем мне с вами съезжаться! У вас-то вон какие хоромы, а у меня конура в коммуналке.

СОФЬЯ. Хватит жить с чужими людьми. Будем вместе! Танюша, подай шкатулку.

Таня подает матери довольно крупную шкатулку.

СОФЬЯ (*открывает ее перед Диной*). Смотри, внученька.

ДИНА (*всплескивает руками*). Да это же натуральный музей. Третьяковская галерея, не слабже!

ИГОРЬ (*смотрит*). Ничего себе! Откуда это у вас?

СОФЬЯ (*достает и демонстрирует*). Диадема в жемчугах разной величины. Бриллиантовое колье. А это малахитовое. Вот гранатовое ожерелье и браслет. Перстень с сапфиром. Все червонное золото.

ДИНА. Это же просто клад! Музей ограбили, что ли?

СОФЬЯ. Фамильные драгоценности. Наследуются по женской линии.

ДИНА. Это все досталось вам от вашей мамы?

СОФЬЯ. Моя мама, а твоя прабабушка, была ученой. Она даже получила Сталинскую премию. Но драгоценности, конечно, не ее. На Сталинскую премию такого не купишь.

ДИНА. Значит, этой ученой драгоценности достались от ее мамы?

СОФЬЯ. Ее мама, то бишь моя бабушка, а, стало быть, твоя прабабушка, была революционеркой, принимала видное участие в партии "Народная воля".

ДИНА. Значит, на партийные денежки драгоценности прикуплены! Не зевала моя прабабушка.

СОФЬЯ. Что ты? Откуда у партии могли быть такие средства?

ДИНА. Так чьи же драгоценности? Кто их приобрел?

СОФЬЯ. Моя прабабушка была большая модница. Все такое она любила и всю жизнь постепенно покупала.

ДИНА. Кто же была ваша прабабушка?

СОФЬЯ. Крепостная. Это же было очень давно.

ДИНА. Крепостная? Значит, ваша бабушка боролась за свободу вашей прабабушки?

СОФЬЯ. Получается, да. Прабабушка-крепостная, а ее дочь, моя бабушка – революционерка.

ДИНА. А ваша бабушка спросила вашу прабабушку, нужна ли ей такая свобода?

ИГОРЬ. Исключительно пытливый и бойкий ребенок.

ДИНА. И теперь эти драгоценности ваши?

СОФЬЯ. Нет, теперь эти драгоценности твои. Возьми их и береги. Ты, внученька, для меня такая радость, такая радость. И для Танечки тоже такая радость. Слава Богу, есть кому отдать наши драгоценности. Я умру счастливой благодаря тебе.

ДИНА. Это ты, бабушка, брось! Живи.

ТАНЯ. Давай шкатулку, мама. Я поставлю ее на место. Пусть себе стоит. Дина будет знать, что эти драгоценности ее. Будет ходить к нам, смотреть на них.

СОФЬЯ. Зачем такие сложности? Пусть забирает. Пусть все будет у нее. Мало ли ей что-то вдруг надеть вздумается.

ДИНА. Бабушка, ты все это собираешься подарить мне?

СОФЬЯ. Уже подарила! А кому еще и дарить-то, как ни тебе?

ДИНА. Но это же бешеные деньги. Царские драгоценности.

СОФЬЯ. Но мы и дарим не первой встречной, а единственной дочери и внучке.

ДИНА. О-о! (*бросается на шею Софье.*) Бабуля, золотая моя. Спасибо! (*Бросается на шею Тане.*) Мамочка! Единственная. Спасибо, что ты меня нашла (*кидается на шею Игорю.*) Спасибо, папочка. Родной!

ИГОРЬ. Меня не трогайте. Вам не за что меня благодарить.

ДИНА. Я буду перебирать эти драгоценности и всех вас вспоминать.

СОФЬЯ. Зачем меня вспоминать? Я пока жива, хочу быть с тобой. Потому что у меня предчувствие, что мне осталось жить месяц-другой.

ДИНА. Конечно, конечно, а сейчас я пойду. (*Впихивает судорожно шкатулку в свою сумку.*) Мне рано вставать. И вообще все такое прочее.

СОФЬЯ. Ночуй у нас, Диночка.

ДИНА. Обязательно. Но в другой раз. Сегодня я и так очумела. А может, я сплю?

ТАНЯ. Драгоценности твои. Но лучше оставь их здесь. Опасно ходить ночами по московским улицам с кладом в сумочке.

ДИНА. Да вы посмотрите на меня. Все посмотрите! Какой дурак польстится меня грабить? Бабушка! Мама! Папа! Всем до свидания!

СОФЬЯ (*крестит Дину*). Господи, благослови ее и убереги мою радость. Этот день мне не забыть никогда.

ТАНЯ (*вслед ей*). Не спеши так. Осторожнее по лестнице. Соседский мальчик вечно жует бананы, а корки кидает на пол.

ДИНА. Мне бананы не страшны. Пока!

В коридоре Таня и Игорь.

ИГОРЬ. Теперь, может быть, вы хоть что-то мне объясните?

ТАНЯ (*сует ему его пальто*). Кто вы такой, чтобы я перед вами объяснялась? Спокойной ночи.

ИГОРЬ. После всего, что было, вы меня просто выставляете?

ТАНЯ. А что было? Маленький любительский спектакль.

ИГОРЬ. Если бы я тогда, сорок лет назад, знал, что у меня дочь и что вы с ней так поступите, я бы взял эту девочку...

ТАНЯ. Вы принесли бы Дину в подоле своей маме?

ИГОРЬ. И Дина росла бы в моей семье. И все ее любили бы и заботились о ней.

Телефонный звонок.

ТАНЯ. Это вас.

ИГОРЬ. Меня нет.

ТАНЯ. Вот сами и скажите.

ИГОРЬ (*в трубку*). Да-а? А почему ты со мной так разговариваешь? У меня дочь в два раза старше тебя. И прекрати звонки сюда. Здесь мои теща, дочь. Нет, она мне не жена. Да, теща есть, дочь есть, а она мне не жена. Что я врал? Да, попал сюда случайно. Вчера – случайно. А сегодня уже не случайно. Да, история надолго. Больше не звони! (*Вешает трубку.*) Прошлое изменить нельзя. Надо привести настоящее в соответствие с прошлым. Свести дебет с кредитом.

ТАНЯ. И вывести итог.

ИГОРЬ. У девочки исковеркана жизнь из-за наших ошибок и безответственности. Лично я пожертвовать собой готов.

ТАНЯ. Это в каком смысле, пожертвовать?

ИГОРЬ. В буквальном.

ТАНЯ. Не запугивайте меня.

ИГОРЬ. Думаю, если мы поженимся, ничего такого уж страшного с нами не случится.

ТАНЯ. Стоит ли рисковать?

ИГОРЬ. Нельзя думать только о себе. И все равно когда-то надо создавать семью. Вам, мне, вашей маме, нашей дочери, – всем нам врозь гораздо хуже.

ТАНЯ. Вы поверили?

ИГОРЬ. Ну, начинаю я вам припоминать. Не обижайтесь. Все же сорок лет прошло!

ТАНЯ. Вчера мы встретились с вами впервые в жизни. Я никогда не была в Воркуте. Я не рожала! Дина – просто продавщица из овощного на углу. Я не знаю номера ее телефона. Я фамилии ее не знаю.

ИГОРЬ. Вы меня за идиота принимаете? Фамилию не знаете, а фамильные драгоценности отдали? Или драгоценности фальшивые? У вас все вообще фальшивое?

ТАНЯ. Все настоящее, и драгоценности настоящие. Только дочь фальшивая. Моя мама умирает. И я пойду на все, лишь бы она умерла счастливой.

ИГОРЬ. Дочь мне Дина или нет?

ТАНЯ. Конечно, нет!

ИГОРЬ. А кто она мне?

ТАНЯ. Никто! Она вам никто. И моя мама вам никто. И я вам никто!

ИГОРЬ. Вы чудовище. Жестокая холодная женщина. Я вычеркиваю вас из своей памяти.

ТАНЯ. Я не навязываю вам свое общество. И вообще я вас не держу.

ИГОРЬ. Не держите? Да разве в состоянии вы понять, что пережил я за эти два вечера? По-вашему, я сейчас могу уйти из этого дома и все выкинуть из головы?

ТАНЯ. Ну, знаете ли, я не могу всех вас тут поселить.

Игорь дает ей пощечину и уходит.

Телефонный звонок.

ТАНЯ (*в трубку*). Слушаю. (*Слушает.*) Теперь слушайте вы! Мне шестьдесят лет со всеми вытекающими отсюда подробностями. К тому же я старая дева. С дурацкой манерой шутить. Игорь больше никогда не придет сюда. Нет здесь никакой тещи и тем более никакой дочери. Здесь нет даже фамильных драгоценностей. Я ему не жена. Нет, не жена! Не жена!!! Да, предложение делал. Отказала. Да, отказала. Отказала. Потому что не люблю. И вы его не любите? Выходит, никто его не любит? Жаль. Он достоин любви. Что ж, мы побеседовали замечательно. Звоните, конечно, звоните. Мне звонят редко. (*Кладет трубку.*) Дал пощечину! Он считает меня женщиной! Я несчастна как дочь, как женщина и просто как дура! Боже мой, как приятно быть несчастной! Как давно я не была несчастна! (*Кружится по комнате, счастливым голосом.*) Боже, как я несчастна! Как несчастна!

СОФЬЯ. Таня! Где ты? Куда пропала? Я так счастлива. Так счастлива.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Экран и сцена —